

КЛЕЙМО ЗАТМЕНИЯ · КНИГА ВТОРАЯ

КРОВЬ ЗАТМЕНИЯ

Три месяца назад её искали.
Теперь за ней придёт война.

АГАТА СТУЖИНА

16+

Агата Стужина

Кровь Затмения

«Автор»
2026

Стужина А.

Кровь Затмения / А. Стужина — «Автор», 2026

Ясна Верес наконец нашла подобие дома в Доме теней — общине таких же, как она, Меченых, скрывающихся от Ордена Пламени. Но покой длится недолго: по её следу отправлен не рядовой Дознаватель, а Инквизитор Альрик, представитель внутреннего круга Ордена, — а вместе с ним живое оружие, какого Ясна не ожидала увидеть никогда: Ива, бывшая обитательница Дома теней, которую считали погибшей, а на деле превратили в бездушную ищейку, находящую Меченых по одному лишь остаточному следу их дара. Реликвия, которую носит при себе Альрик, способна безошибочно доказать то, чего Ясна боялась больше всего: она не просто редкая Меченая. Она — кровь того, кто когда-то разорвал мир при Часе Затмения. И теперь, когда доказательство получено, за ней придёт не рядовой охотник. За ней придёт война.

© Стужина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Кровь Затмения 5
Глава 1. Затишье 6
Глава 2. Тень прошлого 8
Глава 3. Прибытие Инквизитора 10
Глава 4. Кассий унижен 12
Глава 5. Первый след 14
Глава 6. Осокорь узнаёт 16
Глава 7. Правда об Иве 18
Глава 8. Решение уходить 20
Глава 9. Ярош 22
Глава 10. Лагерь Яроша 24
Глава 11. Раскол мнений 26
Глава 12. Прошлое Сорена 28
Глава 13. Тренировка под давлением 30
Глава 14. Новая грань Клейма 32
Глава 15. Нападение на дозор 34
Глава 16. Осокорь пытается достучаться 36
Глава 17. Западня стягивается 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Агата Стужина
Кровь Затмения

Кровь Затмения

Агата Стужина

Часть первая. Новый охотник

Глава 1. Затишье

Новое убежище Дома теней пряталось не в овраге, как прежнее, а в складке холмистой местности южнее Вербовки, там, где старая каменоломня давно заросла кустарником настолько, что даже местные пастухи обходили её стороной, считая проклятой. Место оказалось теснее прежнего, зато куда лучше скрытым: единственный подход к выработкам петлял между отвесными склонами так, что незваного гостя здесь заметили бы за добрых полчаса до того, как он приблизится к жилым штольням.

Прошло чуть больше месяца с той ночи, когда Кассий отступил из Вербовки с пустыми руками. Для Дома теней месяц этот прошёл в осторожном, но настоящем облегчении: раненые залечили раны, Милку благополучно устроили у дальней родни одного из старейшин общины, а сама жизнь убежища вошла в размеренный, почти уютный ритм — насколько вообще может быть уютной жизнь людей, которых по всему королевству разыскивает Орден.

Ясна стояла в тренировочной низине — на этот раз настоящей пещере с высоким сводом, где эхо от каждого движения тьмы отражалось от камня и возвращалось приглушённым, будто сама земля здесь помнила лучше, чем открытое небо, — и в третий раз за утро пыталась удержать нить Клейма ровной, не позволяя ей сорваться в неконтролируемый поток.

— Лучше, — сказала Верба со своего места у входа, скрестив руки на груди. — Но ты всё ещё держишь её, будто боишься, что она укусит. Клеймо — не зверь на привязи. Хватит с ним бороться, начинай с ним разговаривать.

— Легко сказать, — выдохнула Ясна, опуская руки. Тонкие нити тьмы нехотя втянулись обратно, оставив после себя привычное уже, не пугающее больше покалывание под кожей. — Оно не разговаривает. Оно либо молчит, либо орёт.

— Так было месяц назад, — заметил Сорен, отходя от каменной стены, где всё это время наблюдал за тренировкой, скрестив руки почти так же, как Верба, только чуть менее уверенно. — Сегодня утром ты держала его почти минуту без единого срыва. Для «либо молчит, либо орёт» это неплохой прогресс.

Он улыбнулся — сдержанно, но по-настоящему, той улыбкой, которая за последний месяц перестала быть редкостью в его лице. Клеймо покорности на его шее давно зажило, оставив после наказания в Вербовке лишь тонкий, чуть более светлый шрам поверх старого узора, — но само клеймо, Ясна знала это теперь совершенно точно, никуда не делось. Просто с каждым днём, что Сорен оставался с Домом теней, а не возвращался к Ордену, она напоминала о себе всё реже.

— Хвастаешься моими успехами, чтобы не признавать собственных провалов на мечах? — поддела его Ясна, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони.

— Я не проваливаюсь на мечах, — с деланым достоинством возразил Сорен. — Я тактически отступаю каждый раз, когда Хвоя решает, что пора напомнить мне, кто здесь на самом деле лучше владеет клинком.

— Потому что я на самом деле лучше владею клинком, — раздался голос Хвои от входа в пещеру, и сама она возникла следом, отряхивая пыль с рукава после какой-то своей утренней вылазки. — Не льсти себе, что это тактика.

Верба позволила себе редкую, короткую улыбку, тут же спрятанную за привычной суровостью.

— На сегодня довольно, — сказала она Ясне. — Твоё тело помнит усталость лучше, чем твоя гордость готова признать. Иди поешь.

Общий зал новой заставы был меньше прежнего, но за месяц обжился не хуже: длинный стол, сколоченный из старых досок каменоломни, очаг, сложенный заново руками самих обитателей, знакомые лица — Ольха, чья рука зажила давно и без следа, деловито помогала Дубцу

раскладывать сушёные травы; Дрок чинил у стены упряжь с тем же хмурым, сосредоточенным видом, с каким когда-то мерил шагами убежище, споря о доверии к Сорену; сама Верба, Хвоя, ещё десятка два знакомых теперь Ясне лиц.

Она узнала за этот месяц: спокойствие Дома теней — не отсутствие тревоги, а привычка жить рядом с ней, не давая ей взять верх над каждым обычным днём. Именно поэтому, когда снаружи послышался резкий, встревоженный свист дозорного — три коротких, один долгий, сигнал, означавший не бытовую тревогу, а нечто, требующее немедленного внимания старших, — тишина, повисшая в зале, была не паникой, а собранной, отработанной готовностью.

Верба поднялась первой.

— Дозор у восточного гребня, — сказала она, не дожидаясь, пока кто-то спросит. — Идём.

На гребне холма, откуда просматривалась дальняя дорога, ведущая от Вербовки на юг, их встретил один из молодых дозорных — паренёк лет пятнадцати по имени Смородина (Ясна так и не привыкла до конца к тому, с какой лёгкостью Дом теней раздавал детям взрослые имена трав и кустарников), указывающий вниз, на дорогу, дрожащей от волнения рукой.

— Всадники, — сказал он. — Шестеро. Идут ровным строем, не как обычный форпостный патруль.

Ясна прищурилась, вглядываясь в цепочку далёких фигур, медленно двигавшихся по дороге. Даже с такого расстояния было видно то, о чём говорил Смородина: обычные патрули форпоста ехали вразнобой, устало, без особого порядка — эти двигались с точностью, от которой у Ясны похолодело внутри быстрее, чем она успела осознать причину.

— Цвета Ордена, — тихо сказал Сорен, щурясь так же, как она. — Но не форпостные. Такой строй держат только те, кого специально этому учили.

— Кто именно? — спросила Верба, хотя по её лицу Ясна поняла: та уже догадывалась об ответе и надеялась услышать не то, что подозревала.

Сорен не ответил сразу. Он продолжал смотреть на дорогу — туда, где дисциплинированная цепочка всадников неумолимо продвигалась в сторону форпоста Вербовки, — и когда наконец заговорил, голос его был тише обычного, будто сама эта мысль пугала его больше, чем он готов был показать.

— Не рядовые дознаватели, — сказал он. — Если я не ошибаюсь в выправке — это конвой внутреннего круга. Кассий поднял в Ордене шум куда громче, чем мы рассчитывали.

Глава 2. Тень прошлого

Тревога с восточного гребня не отменила привычных дел убежища — Верба настояла, что паника хуже любой реальной опасности, — но за ужином в тот вечер разговоры за длинным столом велись тише обычного, а взгляды то и дело обращались к южной стороне пещеры, будто оттуда уже могла донестись угроза.

Именно в этот вечер, когда Ясна помогала Ольхе убирать со стола, у входа в убежище появился запыхавшийся гонец — не из числа постоянных обитателей, а один из тех немногих внешних людей, кому Дом теней доверял редкие, тщательно проверенные поручения за скромную плату.

— Письмо, — выдохнул он, протягивая Вербе сложенный, изрядно потрёпанный клочок бумаги. — Просили передать лично тебе или той, кого называют Верес.

Верба развернула письмо у света очага, пробежала глазами и, нахмурившись, протянула его Ясне.

Почерк был незнакомым — не Милки, а, судя по всему, кого-то из той дальней родни, что её приютила, — но само письмо оказалось составлено так, как принято было составлять весточки Дома теней: обычными, безобидными на первый взгляд словами, за которыми скрывался условный смысл, понятный лишь посвящённым.

«У тётушки всё спокойно, — читала вслух Ясна, — хозяйство в порядке, только вот в последнее время в наших краях зачастили сборщики церковной десятины — прежде такого не бывало, а теперь навещают через дом от дома, дотошнее прежнего. Тётушка передаёт, что скучает, но здоровье её крепкое, тревожиться не о чем».

— «Сборщики десятины» на нашем языке — это дознаватели Ордена, — негромко пояснила Верба сидящей рядом Ольхе, которая с любопытством вслушивалась, не до конца понимая шифр. — А «навещают через дом от дома, дотошнее прежнего» означает, что в тех краях, где укрыли Милку, Орден усилил проверки без видимой причины.

— Совпадение? — с надеждой спросила Ясна, хотя по тому, как поджались губы Вербы, уже понимала ответ.

— Возможно, — ровно ответила та. — Орден время от времени усиливает проверки то тут, то там без всякой связи с нами конкретно — так устроена его обычная, рутинная жестокость. Но два таких совпадения в одну неделю — усиленные дознаватели у Вербовки и усиленные проверки там, где мы спрятали Милку, — заставляют насторожиться сильнее обычного.

Дрок, до этого молча чинивший упряжь у соседней лавки, поднял голову.

— Кто вообще доставил это письмо по цепочке? — спросил он, глядя на гонца прямым, испытующим взглядом, к которому Ясна за месяц успела привыкнуть — Дрок так и остался самым осторожным, самым подозрительным из всех в общине, хотя после Вербовки открыто извинился перед Ясной и с тех пор держал слово.

Гонец пожал плечами, явно смущённый вопросом.

— Обычная цепочка, — сказал он. — Мне передал письмо человек в Прудищах, ему — кто-то ещё дальше, я не спрашиваю имён, так у нас заведено для безопасности всех, кто передаёт.

— Значит, ты не можешь сказать, кто именно первым взял это письмо у самой Милкиной родни, — подытожил Дрок, не как вопрос, а как утверждение.

— Такие уж правила цепочки, — развёл руками гонец. — Чем меньше знает каждое звено, тем труднее Ордену размотать её целиком, если поймают одного из нас.

Верба кивнула, соглашаясь с логикой, хотя по её лицу Ясна видела: саму эту логику, всегда казавшуюся ей разумной и надёжной, впервые за долгое время что-то в ней царапнуло сомнением.

— Раньше это никогда не тревожило меня всерьёз, — призналась Верба позже, когда гонца накормили и устроили на ночлег, а Ясна осталась у очага помочь ей разобрать остальные накопившиеся вести. — Цепочка без имён защищает нас от того, что один пойманный выдаст всех. Но она же означает: если Орден когда-нибудь научится подделывать такие вести или перехватывать звено где-то посередине, мы узнаем об этом в лучшем случае с большим опозданием.

— Думаешь, это письмо ненастоящее? — тихо спросила Ясна, чувствуя, как холодок пробегает по спине при одной мысли об этом.

— Не думаю, — покачала головой Верба. — Пока не думаю. Почерк похож, детали совпадают с тем, что я знаю о родне, приютившей Милку. Но за месяц спокойствия я, кажется, начала забывать то, что должна была помнить с первого дня: спокойствие Дома теней всегда одалживает время, а не покупает его насовсем.

Глава 3. Прибытие Инквизитора

На форпосте Вербовки, куда несколько дней спустя прибыла та самая дисциплинированная колонна всадников, замеченная с восточного гребня, царило напряжение иного рода, чем тревога Дома теней, — напряжение чиновников и стражников, привыкших к обычному, предсказуемому порядку и вдруг обнаруживших, что этот порядок вот-вот будет пересмотрен кем-то куда более влиятельным, чем они сами.

Дознаватель Кассий стоял у ворот форпоста при полном параде, с безупречно ровной осанкой человека, который твёрдо намерен показать: провал в Вербовке не сломил ни его положения, ни его веры в собственную правоту. Он ждал колонну лично — не потому, что хотел этого, а потому, что не явиться значило бы признать поражение ещё до того, как кто-либо успел бы его озвучить вслух.

Всадник, спешившийся первым, оказался человеком лет сорока, худым, жилистым, с гладко выбритым лицом и той особой неподвижностью черт, которая выдаёт не отсутствие эмоций, а многолетнюю привычку никогда их не показывать. Форменный плащ его отличался от плащей обычных дознавателей Ордена не покроем, а деталью, которую замечали немногие, но которая безошибочно говорила знающим: вышитый по вороту узор языков пламени, свёрнутых в замкнутый круг, — знак не регионального форпоста, а прямого подчинения внутреннему кругу столицы.

— Дознаватель Кассий, я полагаю, — произнёс прибывший ровным, лишённым интонаций голосом, не утруждая себя приветствием.

— Инквизитор, — Кассий склонил голову ровно настолько, насколько того требовал протокол, ни на волос ниже. — Вербовка готова оказать вам полное содействие.

— Не сомневаюсь, — сказал Инквизитор, окидывая форпост неторопливым, оценивающим взглядом, каким смотрят не на союзника, а на инструмент, чью надёжность ещё предстоит проверить. — Меня зовут Альрик. Ваше донесение дошло до внутреннего круга быстрее, чем обычные сводки с границы, — не столько благодаря вашей расторопности, сколько благодаря содержанию. Надеюсь, вы понимаете разницу.

Кассий выдержал паузу ровно на грани допустимой дерзости.

— Я доложил то, что видел собственными глазами, — сказал он. — Ни больше, ни меньше.

— Тогда позвольте узнать из первых уст: что именно вы видели, — сказал Альрик, направляясь к воротам форпоста тем же неторопливым шагом, каким разговаривал, явно ожидая, что Кассий последует рядом, а не будет указывать дорогу, как подобало бы хозяину форпоста перед гостем более низкого ранга.

Пока они шли внутрь, Кассий пересказывал события той ночи в Вербовке — выброс силы, невозможный, по его собственным словам, для Меченой без всякого обучения; отступление, вынужденное превосходящими силами противника; убеждённость, что девушка представляет опасность, не сравнимую с обычными случаями. Альрик слушал молча, не перебивая, но и не выражая ни одобрения, ни сомнения — до того самого момента, пока за ними не закрылись тяжёлые двери внутреннего двора форпоста, скрыв разговор от посторонних ушей.

— Довольно, — сказал он тогда, останавливаясь. — Дознаватель Кассий, я скажу вам прямо то, чего не скажу при ваших людях: внутренний круг не отправляет Инквизитора ради подтверждения слов регионального чиновника, каким бы честным он ни был. Меня отправили, потому что кое-кто наверху счёл содержание вашего донесения достаточно важным, чтобы рискнуть моим временем. Вопрос, который меня интересует, — не что вы видели, а можете ли вы теперь, после провала, оказаться хоть в чём-то полезны дальше.

Что-то в лице Кассия дрогнуло — гордость, задетая прямее, чем он готов был показать, — но он справился с собой достаточно быстро, чтобы Альрик, кажется, этого не заметил или предпочёл не заметить.

— Я знаю эти земли, знаю донесения о её родном городе, знаю человека, что охотился на неё лично, — сказал Кассий. — Это не ничтожная польза.

— Посмотрим, — сухо ответил Альрик, и в этом единственном слове Ясна, доведись ей это услышать, распознала бы куда больше уверенности в собственном превосходстве, чем в любой открытой угрозе.

Он повернулся к своему коню — точнее, к массивной, наглухо закрытой повозке, следовавшей за отрядом всадников чуть позади, — и подал знак одному из своих людей.

Дверь повозки отворилась не сразу, будто то, что находилось внутри, не спешило и не нуждалось в спешке. Женщина, вышедшая наружу при помощи предупредительно поданной руки, двигалась с плавной, неестественной размеренностью, глаза её смотрели прямо перед собой, не задерживаясь ни на одном лице, ни на одной детали двора, — будто весь мир вокруг неё был одинаково безразличен, безразличен настолько, что не заслуживал даже мимолётного любопытства.

— Позвольте представить, Дознаватель, — сказал Альрик, и впервые за весь разговор в его ровном голосе прозвучало нечто похожее на удовлетворение, — инструмент, благодаря которому эти поиски пойдут быстрее, чем позволяли ваши обычные патрули.

Кассий взглянул на женщину — и невольно отступил на полшага назад, хотя ничего явно угрожающего в ней не было. Что-то в её лице — безупречно спокойном, лишённом даже тени человеческого любопытства или страха — внушало тревогу куда более глубокую, чем любое открытое проявление силы.

— Что с ней? — тихо спросил он, забыв на мгновение о собственной гордости.

— С ней всё в полном порядке, — ровно ответил Альрик. — Ровно настолько, насколько это требуется для её работы. Она чувствует Клеймо там, где не чувствует его ни один обычный человек, — остаточная связь, которую очищение не в силах стереть до конца. Не спрашивайте, откуда она у меня, Дознаватель. Спрашивайте лучше, готовы ли ваши люди работать так, как это буду требовать я.

Глава 4. Кассий унижен

Разбор провала состоялся на следующее утро, в главном зале форпоста, при полном сборе всех дознавателей и старших стражников гарнизона — Альрик, как быстро понял Кассий, не собирался щадить его самолюбие ради приличий.

— Расскажите ещё раз, во всех деталях, что произошло в ночь, когда беглянка ускользнула во второй раз, — потребовал Альрик, стоя у дальнего конца длинного стола, за которым обычно проводились советы гарнизона. — Не то, что вы написали в донесении. То, что произошло на самом деле, шаг за шагом.

Кассий, стоявший перед собравшимися так, как стоят обвиняемые перед судом, пересказал события Вербовки заново — как выследил беглянку через Милку, как использовал её как приманку, как всё почти удалось, пока не вмешался предатель из собственных рядов Пепельной стражи.

— Один боец, — повторил Альрик, когда рассказ подошёл к концу, — обратился против прямого приказа, защищая цель облавы. И вы не предвидели такой возможности заранее, хотя, по вашим же словам, уже дважды замечали за этим бойцом необычную снисходительность к беглянке.

— Я счёл это единичной слабостью, которую клеймо покорности исправит само, — ответил Кассий, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри у него нарастало то самое унижение, которого он с самого утра пытался избежать любой ценой. — Ошибка, признаю.

— Не единственная, — холодно продолжил Альрик. — Вы позволили беглянке применить силу такого масштаба, что обрушенные камни разгромленного двора пришлось объяснять горожанам официальной версией о случайном обвале старого фундамента, — версией, в которую, подозреваю, никто в Вербовке давно не верит. Вы дали каждому свидетелю этой ночи основания сомневаться в официальном учении Ордена о природе Меченых. Это, Дознаватель, куда серьёзнее ускользнувшей беглянки как таковой.

Ропот пробежал по рядам собравшихся дознавателей и стражников — негромкий, но достаточно заметный, чтобы Кассий почувствовал: его авторитет, с таким трудом выстроенный за годы службы этому форпосту, рассыпается на глазах у всех, кто прежде подчинялся ему беспрекословно.

— С сегодняшнего дня, — объявил Альрик, — все решения, касающиеся розыска Меченой из Вербовки, принимаю я лично. Дознаватель Кассий сохраняет формальный титул и место при форпосте — внутренний круг не считает нужным устраивать публичный позор человеку, действовавшему из искреннего рвения, а не из злого умысла. Но фактическое командование операцией переходит ко мне, и любой приказ, отданный мной, исполняется без обсуждения — даже если он противоречит прежним распоряжениям Дознавателя.

Кассий стоял неподвижно, глядя прямо перед собой, пока зал медленно пустел — дознаватели и стражники расходились, избегая встречаться с ним взглядом, кто-то из сочувствия, кто-то, не скрывая, из злорадства над падением человека, слишком долго державшего этот форпост единоличной хваткой.

Оставшись один, он не сразу нашёл в себе силы покинуть зал.

Взгляд его, блуждая по стенам, остановился на портрете, висевшем над креслом старшего дознавателя с тех самых пор, как Кассий вообще начал служить этому форпосту, — писаном маслом изображении Верховного Пастыря Ордена, фигуры настолько отдалённой от повседневной жизни рядового служителя, что для большинства она существовала скорее как символ, чем как живой человек.

Кассий смотрел на это лицо — доброе, отеческое, каким его всегда изображали официальные портреты, — и впервые за двадцать лет службы почувствовал внутри не привычное

благоговение, а нечто совершенно незнакомое ему прежде: холодную, тщательно скрываемую неприязнь.

Он верил в Орден искренне, без тени сомнения, всю сознательную жизнь. Верил, что служит благу королевства, очищая его от заразы, принесённой Часом Затмения. Верил настолько, что и сейчас, стоя униженным перед собственными подчинёнными, не позволял себе усомниться в самой цели — только в том, что эта цель, оказывается, ничего не стоила внутреннему кругу, стоило появиться на горизонте кому-то, кто показался им важнее двадцати лет его безупречной службы.

«Меня заменили из-за одного упрямого бойца и одной беглянки, — подумал он с горечью, какой прежде не позволял себе даже в мыслях. — Не потому, что я ошибся в цели. Потому что для них моя преданность всегда стоила ровно столько, сколько я мог им дать, — ни знаком больше».

Он не сказал этого вслух — ни тогда, ни в последующие дни. Но что-то внутри него, прежде цельное и незыблемое, дало первую, едва заметную трещину.

Глава 5. Первый след

С прибытием Альрика розыск, который прежде вёлся силами обычных форпостных патрулей, изменился настолько, что Дом теней ощутил разницу уже спустя несколько дней — не по прямым столкновениям, которых пока не случалось, а по россыпи мелких, тревожных признаков, складывавшихся в общую, пугающую картину.

— Они больше не прочёсывают земли наугад, — доложила Хвоя, вернувшись из очередной вылазки за припасами в дальнее селение. — Раньше патрули шли широкой сетью, случайными маршрутами, как и положено обычной облаве. Теперь они идут точно, будто заранее знают, где искать, — минуя пустые направления, сосредотачиваясь именно на тех тропах, что действительно ведут к нашим убежищам.

— Предатель? — тут же спросил Дрок, и в вопросе его прозвучало не столько подозрение к конкретному человеку, сколько застарелая, въевшаяся за месяцы осторожность.

— Не думаю, — покачала головой Хвоя. — Я видела нового командира поисков лично, издалека. С ним ехала женщина — не боец, не пленница в привычном смысле, но и не свободный человек. Двигалась так, будто её вели, а не она сама выбирала путь.

Ясна, слушавшая разговор у очага вместе с остальными, почувствовала, как по спине пробежал холодок, хотя объяснить его причину пока не могла.

— Опиши её, — попросила Верба, подавшись вперёд с неожиданной для самой Ясны настороженностью.

Хвоя постаралась вспомнить как можно точнее: невысокая, худая, тёмные волосы, коротко остриженные, лицо — спокойное почти до неестественности, глаза, которые, казалось, ни на чём не задерживались подолгу.

Верба долго молчала, прежде чем заговорить снова, и когда наконец заговорила, голос её звучал тише обычного, будто она сама не была до конца уверена, стоит ли произносить свою догадку вслух.

— В убежище, из которого мы бежали ещё до знакомства с тобой, дитя, — сказала она, обращаясь уже прямо к Хвое, — хранилось несколько старых портретов тех, кого мы потеряли за годы. Не рисованных красками — простых, углём на выделанной коже, память тех, кто не хотел, чтобы пропавшие исчезли совсем без следа. Один из них я не видела много лет. Опиши мне рот той женщины ещё раз — уголки губ, форму подбородка.

Хвоя честно постаралась припомнить каждую деталь, какую успела разглядеть издалека, и по мере того как она говорила, лицо Вербы менялось — не резко, но неотвратимо, будто старая, давно похороненная тревога поднималась на поверхность против её воли.

— Не может быть, — тихо произнесла Верба, скорее для себя самой, чем для остальных. — Прошло слишком много лет. Мы считали её погибшей при побеге — тогда, ещё до этого убежища, ещё до Хвои, задолго до того, как ты, дитя, вообще узнала о существовании Дома теней.

— О ком ты говоришь? — спросила Ясна, чувствуя, как тревога Вербы передаётся и ей самой.

Верба не ответила сразу. Она поднялась, подошла к дальней стене пещеры, где на грубо сколоченной полке хранились немногие вещи, перенесённые из прежнего убежища при поспешном переезде, и достала оттуда небольшой, туго свёрнутый кусок выделанной кожи — старый, потрескавшийся по краям рисунок, сделанный простым, но уверенным угольным штрихом.

С рисунка на Ясну смотрело молодое, улыбающееся лицо девушки лет двадцати — тёмные волосы, спокойный, чуть насмешливый взгляд, форма подбородка, показавшаяся Ясне

отдалённо, необъяснимо знакомой, хотя она была совершенно уверена, что никогда прежде не встречала эту девушку.

— Если Хвоя права, — тихо сказала Верба, — то женщина, которую привёл с собой новый командир поисков, — это она. Хотя одному Часу Затмения известно, что с ней сделали за все эти годы, чтобы она превратилась в то, о чём рассказывает Хвоя.

Глава 6. Осокорь узнаёт

Верба не спешила показывать старый рисунок всей общине — по её собственным словам, слишком много вопросов без ответов оставалось прежде, чем поднимать тревогу, способную только посеять панику. Но скрыть находку от Осокоря, чья разведывательная вылазка тем же вечером должна была пройти как раз неподалёку от последнего известного маршрута отряда Альрика, оказалось попросту невозможно — не потому, что кто-то ему проговорился, а потому, что он увидел всё сам, собственными глазами, безо всякого рисунка.

Он вернулся с разведки позже обычного, бледный настолько, что даже в неверном свете костра Ясна, сидевшая неподалёку, сразу поняла: что-то случилось.

— Осокорь? — окликнула его Верба, поднимаясь навстречу.

Он не ответил сразу. Прошёл мимо очага прямо к дальней стене пещеры, туда, где обычно держал немногие личные вещи, и остановился там, опираясь единственной рукой о холодный камень, будто без этой опоры не смог бы устоять на ногах.

— Осокорь, — повторила Верба тише, подходя ближе. — Что ты видел?

— Её, — выдохнул он наконец, не оборачиваясь. — Я видел её, Верба. Так близко, что мог бы окликнуть по имени, если бы не понимал, что это будет последнее, что я сделаю в жизни, прежде чем весь отряд Инквизитора набросится на укрытие.

Ясна, Дрок и ещё несколько обитателей, услышавших взволнованный голос, начали подтягиваться ближе, но Верба жестом остановила их, не сводя глаз с Осокоря.

— Ты про женщину, что идёт рядом с новым командиром поисков, — не спросила, а утвердила она.

Осокорь наконец обернулся. Лицо его, обычно спокойное, изборождённое годами и потерями, которые он привык нести молча, теперь было лицом человека, увидевшего призрак, — не в переносном, а почти буквальном смысле.

— Откуда ты знаешь? — хрипло спросил он.

— Хвоя описала мне её сегодня утром, — тихо ответила Верба. — Я достала старый рисунок. Не была уверена до конца, пока не увидела твоё лицо сейчас.

Осокорь медленно опустился на ближайшую лавку, будто ноги отказались держать его дальше.

— Кто она? — негромко спросила Ясна, чувствуя, что вопрос этот касается чего-то куда более личного, чем простое узнавание давнего знакомого лица.

Осокорь долго молчал, глядя в пустоту перед собой невидящим взглядом, и когда наконец заговорил, голос его звучал глухо, будто доносился откуда-то издалека — из тех самых лет, о которых он никогда прежде не рассказывал.

— Это не моё дело — рассказывать сейчас, второпях, у костра, при всех, — сказал он наконец, поднимаясь на ноги с явным усилием. — Дайте мне ночь. Я расскажу всё, что нужно знать, — но не сегодня, не так.

— Осокорь, — мягко, но настойчиво произнесла Верба, — если это касается безопасности всех нас, ты не можешь взять эту ношу на себя в одиночку. Не в этот раз.

— Я знаю, — тихо ответил он, и в этом коротком признании Ясна расслышала не упрямство, а настоящую, застарелую боль человека, двадцать лет носившего в себе тайну, которую сам считал давно и безнадёжно закрытой. — Я знаю, Верба. Просто дай мне ночь. Одну ночь, прежде чем я скажу это вслух и сделаю правдой то, во что надеялся не верить ещё хотя бы немного дольше.

Он ушёл в темноту дальних штолен один, не позволив никому, даже Вербе, последовать за собой, — и Ясна, глядя ему вслед, впервые подумала о том, что до сих пор ни разу всерьёз не задумывалась: у каждого из тех, кто нашёл приют в Доме теней, есть своя прежняя жизнь, свои

потери, случившиеся задолго до того, как она сама впервые переступила порог убежища, и не все эти потери оставались похороненными так надёжно, как хотелось бы тем, кто их пережил.

Глава 7. Правда об Иве

Осокорь сдержал слово. На следующий вечер, когда основная часть общины разошлась по своим делам, а у главного очага остались только Верба, Хвоя, Дрок и Ясна с Сореном, он сел напротив них, всё ещё бледный, но уже собранный настолько, чтобы говорить ровно.

— Двадцать два года назад, — начал он без предисловий, — я был не Осокорем, а кем-то другим — не важно, кем именно, это имя давно умерло вместе с той жизнью. У меня была семья. Жена, которую забрал Час Затмения ещё раньше, и дочь, которую я растил один, скрывая от всего мира то, что она — Меченая, задолго до того, как узнал о существовании Дома теней.

Он замолчал на мгновение, будто собираясь с силами, прежде чем продолжить.

— Нас нашли, когда ей было около двадцати. Не форпостный патруль — тогда ещё, до всех нынешних порядков, ловлей Меченых занимались случайные, менее организованные отряды, но исход был всё тот же. Мы бежали вместе. Почти ушли. Я потерял руку, прикрывая её отход через горный перевал, — эту часть истории вы все знаете, я рассказывал её достаточно раз, просто никогда не рассказывал, что случилось дальше.

— Она не ушла, — тихо произнесла Верба — не вопрос, а горькое, давно предполагаемое утверждение.

— Я думал, что ушла, — покачал головой Осокорь. — Я потерял сознание от кровотечения, меня подобрали свои, отнесли в безопасное место. Когда я очнулся, мне сказали, что она погибла — что отряд, гнавшийся за нами, настиг её у самого перевала и что тело её не удалось забрать. Я оплакал её как погибшую. Я носил это горе двадцать два года, Верба. Взял себе новое имя, ушёл в Дом теней, посвятил остаток жизни тому, чтобы другие Меченые не разделили её судьбу.

— А на самом деле её не убили, — медленно произнесла Ясна, чувствуя, как внутри неё нарастает та же тяжёлая, холодная ясность, что охватывала её всякий раз, когда речь заходила о настоящей природе «очищения».

— А на самом деле её схватили, — глухо подтвердил Осокорь. — И провели через полное очищение — не то жалкое подобие, что творят рядовые дьяконы форпостов, а настоящий, полный обряд, какой, по слухам, применяют лишь к особо ценным, редким Меченым. Тем, кого считают достаточно перспективным сырьём, чтобы не убивать сразу, а выжать досуха и сохранить как инструмент.

Дрок, до этого молча слушавший, стиснул зубы так, что желваки заходили на скулах.

— Ищейка Инквизитора, — тихо сказал он. — Твоя дочь.

— Её звали Ива ещё тогда, до Дома теней в привычном для вас понимании — я сам дал ей это имя, когда мы только начинали скрываться, задолго до того, как узнал, что подобная традиция вообще существует где-то ещё, — сказал Осокорь. — Не знаю, помнит ли она хоть что-то из этого сейчас. Не знаю, осталось ли в ней вообще что-то, способное помнить.

Верба долго молчала, обдумывая услышанное, прежде чем заговорить снова — не с сочувствием, которое, как чувствовала Ясна, было бы сейчас неуместным, а с той трезвой, практической тревогой, которая и делала её надёжным лидером общины все эти годы.

— Осокорь, — сказала она наконец, — я разделяю твою боль как никто другой здесь. Но ты должен понимать, что означает её присутствие рядом с Инквизитором не только для тебя лично, а для всех нас.

— Она находит Меченых по остаточной связи с Клеймом, — тихо закончила за неё Ясна, вспоминая слова Хвои, сказанные несколькими днями раньше. — Она может уже сейчас чувствовать нас — само наше присутствие где-то поблизости, даже если пока не может указать точное место.

— Именно так, — подтвердила Верба. — А значит, дни, когда мы могли считать себя в относительной безопасности в этом убежище, вероятно, уже сочтены, что бы мы сейчас ни решили делать дальше.

Глава 8. Решение уходить

Спор о том, как поступить дальше, продолжался большую часть ночи и затянулся на следующее утро, разделив общину на два лагеря так же резко, как когда-то в прежнем убежище разделил её вопрос доверия к Сорену.

— Нужно уходить немедленно, всей общиной, пока Ива не успела указать на нас точнее, чем смутное направление, — настаивал один из старших обитателей, поддержанный доброй половиной зала. — Незачем дожидаться, пока догадки Инквизитора превратятся в уверенность.

— И куда именно вы предлагаете уходить? — резко возразила Хвоя. — У нас нет готового нового убежища, только смутные слухи о паре заброшенных мест, которые сами могут оказаться ловушками. Бежать вслепую в спешке — верный способ угодить прямо в руки патрулей, которые теперь ищут куда умнее прежнего.

— Тогда что ты предлагаешь? Сидеть и ждать, пока за нами придут? — не сдавался первый.

— Я предлагаю укрепиться разумно, а не в панике, — отрезала Хвоя. — Усилить дозоры, подготовить пути отхода заранее, но не бросать готовое, безопасное укрытие ради неизвестности только потому, что нам страшно.

Ясна, слушавшая спор с растущим беспокойством, поймала себя на мысли, что впервые за месяц по-настоящему боится не за себя, а за всех этих людей разом — за Ольху, за Дрока, за самого Осокоря, чья личная драма грозила стать причиной куда более широкой катастрофы, если Ива действительно способна была вести Альрика прямо к порогу их временного дома.

— А если она уже знает достаточно, чтобы прийти сюда завтра, вне зависимости от того, останемся мы или уйдём? — тихо спросил Сорен, и в зале ненадолго воцарилась тишина — вопрос был из тех, что никто не решался задать вслух первым.

Верба, до этого больше слушавшая, чем говорившая, наконец поднялась со своего места, и весь зал, привычно уважая её слово, затих полностью.

— Мы не будем бежать в панике этой же ночью, — сказала она твёрдо. — Но мы начнём готовиться к переезду немедленно: разведать хотя бы два запасных пути отхода к концу недели, усилить дозоры вдвое, подготовить самое необходимое к быстрой эвакуации, если придёт нужда уходить внезапно. Мы не отдадим это убежище без борьбы за каждый лишний день безопасности здесь, но и не станем притворяться, что дней этих осталось много.

Решение, пусть и не устроившее полностью ни одну из сторон спора, принесло залу подобие облегчения — не спокойствия, а хотя бы ясности относительно того, что делать дальше, вместо бесконечного, изматывающего спора.

Ясна вышла из общего зала на свежий воздух, туда, где узкий выход из каменоломни открывался на предрассветное небо, ещё серое, но уже тронутое первыми проблесками зари, и обнаружила там Сорена, стоявшего у самого выхода, глядящего в сторону, где за холмами скрывалась невидимая отсюда Вербовка.

— Тяжёлая ночь, — тихо сказала она, подходя ближе.

— Тяжелее, чем кажется на первый взгляд, — согласился он, не оборачиваясь. — Я знаю, каково это — быть тем, кого забрали и сломали, а потом отправили против собственных, — добавил он тише. — Не совсем то же самое, что случилось с Ивой, но достаточно близко, чтобы я понимал, через что сейчас проходит Осокорь, представляя её такой.

— Думаешь, в ней правда ничего не осталось? — спросила Ясна, вспоминая слова Хвои о её пустом, ничего не выражающем взгляде.

Сорен долго молчал, прежде чем ответить, и когда наконец заговорил, голос его звучал тише обычного, будто сам вопрос стоил ему больше, чем он готов был показать.

— Меня тоже когда-то пытались сделать таким, — сказал он. — Не до конца — клеймо покорности сковывает волю, но не выжигает её полностью, иначе я не смог бы выбрать защитить тебя в ту ночь в Вербовке. То, что сделали с Ивой, судя по описанию Хвои, — это дальше, гораздо дальше по той же дороге. Не знаю, осталось ли на том конце этой дороги хоть что-то, способное найти путь обратно. Но я знаю, что если бы кто-то отказался попробовать вытащить меня оттуда, только потому что дорога казалась слишком долгой, — я бы хотел, чтобы они всё равно попробовали.

Он повернулся к ней наконец, и в предрассветном полумраке лицо его показалось Ясне одновременно усталым и на удивление твёрдым — лицом человека, для которого сострадание давно перестало быть роскошью и стало чем-то вроде принципа, за который он готов был платить снова и снова.

Именно в этот момент со стороны дозорного поста послышался негромкий, но настойчивый оклик — не тревожный свист, означавший прямую опасность, а сигнал, каким дозорные обычно вызывали кого-то из старших для решения не срочного, но важного вопроса.

Гонцом на этот раз оказался не запыхавшийся мальчишка из внешних селений, а незнакомый Ясне мужчина средних лет, назвавшийся просто посланником, — и весть, которую он принёс, судя по тому, как изменилось лицо Вербы, вышедшей встретить его лично, касалась чего-то куда более неожиданного, чем очередное донесение о передвижениях патрулей Альрика.

— От кого вести? — спросила Ясна, подходя ближе вместе с Сореном.

Верба протянула ей клочок бумаги, на этот раз без всякого шифра — прямой, короткий текст, написанный уверенной, твёрдой рукой человека, не привыкшего тратить слова впустую.

«Я знаю о новом охотнике на ваш след, — гласило письмо. — Знаю и то, что вы ищете способ выжить, а не только спрятаться. У меня есть люди, оружие и причины ненавидеть Орден Пламени не меньше вашего. Если ваша Меченая из Вербовки готова говорить не только языком укрытий, пусть придёт на старую мельницу у Чёрного брода через три дня после заката. Одна или с теми, кому доверяет. Ярош».

Ясна подняла взгляд от письма и обнаружила, что весь небольшой круг у выхода из пещеры — Верба, Хвоя, Дрок, подошедший на шум, и Сорен — смотрит на неё в ожидании, будто решение, как ответить на это предложение, с самого начала могло принадлежать только ей одной.

Часть вторая. Раскол путей

Глава 9. Ярош

Старая мельница у Чёрного брода стояла заброшенной уже не первый десяток лет — с тех самых пор, как русло реки чуть сместилось после одного из давних, полузабытых уже прорывов Мороков, оставив жёрнов без воды, а само здание без всякой пользы для окрестных селений. Трое суток, прошедшие с получения письма, Верба потратила на то, чтобы разослать разведчиков проверить и саму мельницу, и подступы к ней, и на всякий случай — пути отхода, если встреча обернётся ловушкой.

— Ловушки я не вижу, — доложила Хвоя накануне назначенного вечера. — Но это ничего не значит. Если этот Ярош хотя бы наполовину так осторожен, как мы сами, ловушку я и не должна была увидеть.

В итоге отправились втроём — Ясна, Сорен и сама Хвоя, — оставив Вербу с прямым указанием: если к рассвету не вернутся, считать встречу неудавшейся и действовать по обстоятельствам, не пытаясь разыскивать пропавших силами всей общины.

Мельница встретила их в темноте, разбавленной единственным пятном света, пробивавшимся сквозь щели прохудившейся крыши, — внутри, у небольшого костра, разведённого прямо на утоптанном земляном полу, их ждал человек, которого Ясна прежде видела лишь мельком, на описаниях третьих лиц, никогда — вживую.

Ярош оказался не тем, кого она представляла себе по слухам, доходившим в убежище то тут, то там, — не громогласным фанатиком, а человеком лет тридцати пяти, худым, жилистым, с коротко остриженными светлыми волосами и лицом, изборождённым не столько годами, сколько тем особым, застарелым напряжением, какое остаётся у людей, слишком долго живущих в постоянной готовности к бою. Он не носил метки принадлежности ни к одной известной Ясне общине — только простую, потрёпанную дорожную одежду и короткий клинок на поясе, лежавший под рукой, но не обнажённый.

— Ты пришла, — сказал он вместо приветствия, поднимаясь навстречу. — Не был уверен до конца. Дом теней славится осторожностью на грани трусости — не в обиду сказано, скорее с завистью: у нас так осторожничать не выходит уже давно.

— Осторожность сохранила немало жизней за эти годы, — ровно ответила Ясна, садясь напротив через костёр, пока Сорен и Хвоя остались стоять чуть позади, готовые к любому повороту разговора.

— Не спорю, — кивнул Ярош. — Но сохранённая жизнь — не то же самое, что жизнь, за которую не стыдно. Впрочем, я не за этим тебя позвал — спорить о философии можно и после, если доживём оба до такого досуга.

Он подбросил в костёр ещё одну ветку, наблюдая, как пламя на миг взвивается ярче, освещая его лицо резче, чем прежде.

— Я слышал о Вербовке, — сказал он. — Слышал, что ты одна вышла против отряда Пепельной стражи и не просто выжила — заставила их отступить. Такого не случалось на моей памяти ни разу, а память у меня долгая и скверная.

— Мне помогли, — сказала Ясна. — Я не выходила против них одна.

— Помощь была, не спорю, — согласился Ярош. — Но сила твоя — твоя собственная, и именно эта сила интересует меня больше, чем любые рассказы о твоём характере. Расскажи мне, что ты знаешь про нового охотника, которого прислали по твою душу.

Ясна коротко пересказала то немногое, что было известно: Инквизитор Альрик, его прямое подчинение внутреннему кругу, его ищейка, способная чувствовать Клеймо на расстоянии.

Лицо Ярош а при упоминании ищейки потемнело — не удивлением, а узнаванием куда более горьким, чем простое любопытство.

— «Опустошённая», — тихо произнёс он. — Я слышал об этом раньше, от человека, который видел похожую тварь — прости, похожего человека — на службе у другого Инквизитора, много южнее отсюда. Никто из нас не смог тогда придумать, как остановить её иначе, чем убить, а на это ни у кого не хватило духа, когда дошло до дела.

— У меня есть личная причина найти другой способ, — сказала Ясна, не вдаваясь в подробности истории Осокоря, которую не считала своей, чтобы делиться ею с посторонним. — Но не за этим ты позвал меня сюда, верно?

— Не за этим, — согласился Ярош. — Я позвал тебя, чтобы предложить союз. Не такой, какой предлагает Дом теней, — не убежище, не укрытие, не терпеливое выживание в тени до тех пор, пока Орден сам не рухнет от старости. Настоящий союз против настоящего врага — удар по тому, что действительно причиняет ему боль: по снабжению Инквизитора, по его людям, по самой его уверенности, что он может охотиться на нас безнаказанно.

— И ты думаешь, что моя сила поможет тебе в этом больше, чем осторожность Дома теней? — спросила Ясна прямо.

— Я думаю, что твоя сила, направленная точно, а не растрачиваемая на бесконечное пряталово, изменит расклад для всех Меченых в этих краях, а не только для горстки людей в одном тайном убежище, — ответил Ярош, и впервые за разговор в его голосе прозвучало нечто похожее на настоящий, невыдуманный жар. — Ты спасла подругу детства ценой того, что весь мир узнал о тебе правду. Спроси себя: неужели ты хочешь, чтобы эта правда служила только тому, чтобы прятаться от неё до конца дней?

Ясна почувствовала, как вопрос этот задевает что-то внутри неё, что-то, о чём она сама предпочитала не думать слишком часто, — но не позволила себе ответить сразу, помня наставление Вербы не поддаваться первому порыву.

— У тебя есть своя причина ненавидеть Орден настолько сильно, чтобы рисковать жизнями ради удара по нему, — сказала она вместо прямого ответа. — Расскажи мне о ней. Мне нужно понимать, с кем я говорю, прежде чем говорить о союзах.

Ярош долго молчал, глядя в огонь, и когда наконец заговорил, голос его звучал глуше обычного, лишённый всякой прежней горячности.

— У меня была сестра, — сказал он. — Младше меня на пять лет, с даром, который проявился, когда ей едва исполнилось четырнадцать. Мы прятали её три года — три хороших, честных года, за которые я успел поверить, что осторожность действительно способна кого-то спасти. Потом её нашли. Не убили сразу — сочли достаточно юной и покорной, чтобы «очистить» вместо казни. Она вернулась домой через месяц — телом, но не собой. Прожила ещё два года пустой оболочкой, прежде чем однажды просто перестала есть и дышать, будто тело её наконец поняло то, что душа осознала гораздо раньше.

Он поднял взгляд от костра, и в глазах его Ясна увидела не безумие фанатика, а нечто куда более узнаваемое и от этого куда более тревожное — обычное, человеческое горе, доведённое годами до состояния холодной, целенаправленной ярости.

— Осторожность не спасла мою сестру, Ясна Верес, — тихо сказал он. — Она лишь отсрочила неизбежное на три года. Я больше не верю, что прятаться — это то же самое, что выживать. Подумай над этим прежде, чем ответишь мне.

Глава 10. Лагерь Яроша

Ясна не дала ответа тем же вечером — слишком многое требовало осмысления, слишком свежа была история сестры Яроша, слишком остро отзывалась она собственным, ещё не до конца зажившим страхом за Милку и за всех, кого она успела полюбить в Доме теней. Но прежде чем уйти, она попросила о том, чего не планировала просить, выходя из убежища тем вечером.

— Покажи мне свой лагерь, — сказала она. — Прежде чем я решу хоть что-то, я хочу увидеть, за что именно ты просишь меня рисковать — не только услышать рассказ.

Ярош смерил её долгим, оценивающим взглядом, будто проверял, не скрывается ли за просьбой что-то большее, чем простое любопытство, — и в конце концов кивнул.

— Разумно, — сказал он. — Я бы на твоём месте потребовал того же. Идёмте, только предупреждаю: то, что вы увидите, не порадует ваши привыкшие к уюту Дома теней глаза.

Лагерь оказался в получасе ходьбы от мельницы, скрытый в глубоком овраге, поросшем густым, колючим кустарником, — но в отличие от каменоломни Дома теней, это место с первого взгляда не создавало впечатления дома. Здесь не было ни тёплого очага в общем зале, ни детей, играющих в углу камешками, — только ряды наспех сколоченных шалашей, дозорные посты на каждом углу оврага и десятка три людей, большинство из которых при появлении незнакомцев мгновенно подобрались, положив ладони на рукояти оружия, прежде чем узнали Яроша и расслабились, хотя и не до конца.

— Больше похоже на военный лагерь, чем на убежище, — тихо заметил Сорен, оглядываясь по сторонам с тем профессиональным вниманием, какое вырабатывает лишь настоящая военная выучка.

— Так и есть, — коротко подтвердил Ярош, не оборачиваясь. — Мы не претворяемся, что живём здесь мирной жизнью в ожидании лучших времён. Мы готовимся к войне, которая, по-моему, и так уже идёт — просто одна сторона пока делает вид, что может её избежать.

Он подвёл их к дальней стене оврага, туда, где на грубо отёсанной каменной плите были высечены десятки имён — не резьбой искусного мастера, а неровными, торопливыми насечками людей, не имевших ни времени, ни инструментов для более достойной памяти.

— Это все, кого мы потеряли с тех пор, как я собрал первую горстку таких же отчаявшихся, как я сам, — сказал Ярош, проводя пальцами по одному из имён, вырезанному, судя по всему, его собственной рукой. — Некоторые погибли в бою против Ордена. Многие — задолго до того, как нашли нас, — от рук форпостных патрулей, от голода в бегах, от отчаяния, толкнувшего на путь, с которого нет возврата. Мы не скрываем эту стену от новичков. Каждый, кто присоединяется к нам, должен знать цену заранее, а не узнавать её постепенно, как узнают её в обычных убежищах вроде вашего.

Ясна медленно обвела взглядом длинный список имён — их было куда больше, чем она ожидала, — и почувствовала, как в груди у неё что-то сжимается при мысли о том, сколько горя стоит за каждой короткой насечкой.

— Ты хочешь, чтобы это число росло дальше, только быстрее, чем растёт число выживших? — тихо спросила она, не в силах скрыть упрёк в голосе.

— Я хочу, чтобы однажды это число перестало расти вовсе, потому что Орден больше не сможет позволить себе продолжать охоту, — резко ответил Ярош, впервые за вечер повысив голос. — А для этого кому-то приходится платить сейчас, чтобы платить не пришлось детям тех, кто ещё не родился.

Молодой парень, не старше шестнадцати лет, подошедший ближе, пока они разговаривали, застыл в нескольких шагах, разглядывая Ясну с нескрываемым, почти благоговейным вниманием.

— Это правда ты? — тихо спросил он, не дожидаясь позволения вмешаться в разговор старших. — Та, что одна выстояла против Пепельной стражи в Вербовке?

— Я не была одна, — повторила Ясна привычные уже слова, но парень, казалось, не услышал уточнения — или услышал, но предпочёл не принимать его во внимание.

— Про тебя рассказывают в каждом убежище отсюда до самого Сольгарда, — сказал он с горящими глазами, в которых Ясна с растущим беспокойством узнавала не простое любопытство, а нечто куда более тяжёлое — надежду, которую она никогда не просила на себя возлагать. — Говорят, если кто и сможет когда-нибудь по-настоящему остановить Орден, то это ты.

Ярош положил руку парню на плечо, мягко, но решительно отводя его в сторону.

— Хватит, Берёзка, дай гостье время подумать своей головой, а не под грузом чужих ожиданий, — сказал он, но взгляд, который он бросил на Ясну поверх плеча юноши, ясно говорил: сам он ничуть не против того, чтобы эти ожидания сыграли ему на руку.

Ясна отвернулась, чувствуя, как тяжесть чужой надежды ложится ей на плечи весом, куда более осязаемым, чем любая физическая ноша, — и поняла, что вопрос, который поставил перед ней Ярош у костра мельницы, куда сложнее простого выбора между двумя стратегиями. Он касался того, кем она вообще готова была стать для всех этих незнакомых ей людей, чьи имена она никогда не слышала прежде и чьё горе внезапно оказалось частью её собственного, хотела она того или нет.

Глава 11. Раскол мнений

Возвращение в убежище на рассвете не принесло облегчения — напротив, пересказ увиденного на мельнице и в лагере Яроша расколол общину резче, чем любая прежняя новость со времён Вербовки.

— Он прав хотя бы в одном, — сказал Дрок, когда общий совет собрался у главного очага обсудить услышанное. — Мы прячемся уже который год, меняя убежища одно за другим, теряя людей поодиночке, пока Орден только крепнет и учится искать нас лучше. Может, пришло время признать, что чистое укрывательство больше не работает так, как работало прежде.

Верба, стоявшая у противоположного конца стола, покачала головой с твёрдостью, которую Ясна редко видела у неё прежде даже в самых напряжённых спорах.

— Укрывательство работает ровно настолько, насколько мы готовы быть осторожными, — сказала она. — Ярош предлагает нам заплатить кровью за иллюзию быстрой победы, которой не будет. Одна успешная вылазка против форпоста не свергнет Орден Пламени — она лишь навлечёт на всех нас, включая тех, кто останется в стороне от его затеи, куда более безжалостную ответную волну.

— А сколько ещё лет ты готова терпеть, прежде чем признать, что терпение само по себе не спасает? — резко возразил Дрок, и в голосе его прозвучала неожиданная для него самого горячность. — Я видел стену с именами у Яроша. У меня тоже есть на такой стене имя, Верба, только у нас нет своей стены — есть только пустые лавки, о которых мы стараемся не вспоминать вслух.

Зал притих. Ясна впервые слышала, чтобы Дрок — самый осторожный, самый подозрительный из всех обитателей убежища, тот самый Дрок, что месяц назад умолял всех не доверять Сорену, — говорил с такой открытой, почти отчаянной горечью.

— О ком ты говоришь? — тихо спросила Верба, смягчая голос впервые за весь спор.

— Не важно, — глухо ответил Дрок, отворачиваясь. — Важно то, что я устал терять людей молча и называть это мудрой осторожностью. Если хоть часть того, что предлагает Ярош, способна остановить хотя бы одну будущую потерю, я готов рискнуть.

Спор продолжался ещё долго, распадаясь на всё более резкие, эмоциональные высказывания с обеих сторон, — но так и не пришёл к единому решению, которое устроило бы всю общину разом. Верба в конце концов объявила: Дом теней как община не станет участвовать в наступательных действиях Яроша, но и не станет удерживать силой тех, кто решит уйти к нему по собственной воле, при условии, что уходящие не выдадут местонахождение оставшихся.

Решение принесло видимость мира, но не настоящее согласие — и Ясна, наблюдая, как Дрок молча уходит в свой угол убежища, не глядя ни на кого, чувствовала: раскол этот далеко не закончен, лишь временно загнан внутрь.

Она узнала, насколько он не закончен, уже следующим утром, когда обнаружила, что двое из младших обитателей общины — тихая, немногословная девушка по имени Рута и её младший брат, оба присоединившиеся к Дому теней меньше года назад после гибели родителей от рук форпостного патруля, — исчезли из убежища ночью, не сказав никому ни слова, оставив после себя лишь короткую, неровно нацарапанную записку.

«Простите, что не спросили разрешения, — гласила записка. — Мы устали ждать, пока кто-то другой решит, когда наступит наша очередь. Ярош хотя бы обещает, что мы сможем сами выбрать, как умереть, если придётся, а не просто однажды исчезнуть без следа, как исчезли наши родители».

Верба прочитала записку молча, дважды, прежде чем свернуть её и убрать в карман — не с гневом, которого Ясна почти ожидала, а с глубокой, тяжёлой усталостью человека, слишком

много раз видевшего, как молодость выбирает быструю ярость вместо медленного, изматывающего терпения.

— Мы не пойдём за ними и не станем их удерживать, — сказала она тихо, скорее себе самой, чем кому-либо ещё. — Как я и обещала. Но да услышит меня Час Затмения — я боюсь за них куда сильнее, чем готова показать этому залу.

Глава 12. Прошлое Сорена

В тот вечер, слишком тяжёлый после утреннего известия об уходе Руты и её брата, Ясна не находила в себе сил присоединиться к общему ужину у очага — вместо этого выбралась на узкий уступ над каменоломней, туда, где открывался вид на темнеющие холмы, и долго сидела там в одиночестве, пытаясь разобраться в путанице чувств, навязанных ей за последние дни разом Ярошем, Дроком и собственной, не находящей покоя совестью.

Сорен нашёл её там немного позже, устроившись рядом без единого слова, будто чувствовал: сейчас ей нужно не утешение, а просто чьё-то молчаливое присутствие.

— Ты весь день молчал во время спора, — сказала она наконец, не глядя на него. — Что думаешь на самом деле — не то, что сказал бы вслух, чтобы не разжигать спор ещё сильнее?

Он долго обдумывал ответ, глядя на те же тёмные холмы, что и она.

— Я думаю, что оба они по-своему правы и оба по-своему опасно неправы, — сказал он наконец. — Верба права, что необдуманное насилие навлечёт беду на всех. Дрок прав, что чистое ожидание не приносит ничего, кроме новых пустых лавок у очага. Но я не могу судить их с чистой совестью, Ясна. Я сам когда-то был на месте человека, которому предложили простой, быстрый ответ на невыносимую боль, и я его принял, не задумываясь о цене для других.

Она обернулась к нему, впервые за вечер по-настоящему удивлённая.

— Ты никогда не рассказывал, как именно тебя забрали в Пепельную стражу, — тихо сказала она. — Только то, что тебя поймали подростком.

Сорен долго молчал, прежде чем заговорить, и когда наконец начал, голос его звучал глуше обычного — не той хрипотой, что появлялась у него от усталости или боли, а особой тяжестью человека, впервые решившегося произнести вслух то, что годами держал запертым внутри.

— Мне было четырнадцать, когда Клеймо впервые проявилось, — сказал он. — Не так драматично, как у тебя на площади Вербовки, — просто однажды, испугавшись побоев отчима, я невольно выпустил тень, достаточно сильную, чтобы напугать полдеревни. Меня не забрали сразу на очищение. Меня забрали в Пепельную стражу — с самого начала, без всякого притворства насчёт лечения.

— Как это было? — тихо спросила Ясна.

— Мне сказали, что у меня есть выбор, — сказал он с горечью, въевшейся в голос так глубоко, что она, казалось, никогда не исчезала полностью. — Служить Ордену добровольно, получая взамен защиту и цель, — или быть отправленным на очищение, как обычного, бесполезного Меченого, без всякой пользы для королевства. Мне было четырнадцать, Ясна. Я не понимал тогда, что такое настоящий выбор и что такое иллюзия выбора, предложенная теми, кто уже решил всё за тебя заранее.

— Ты согласился служить, — сказала она — не вопрос, а понимание.

— Я согласился, — подтвердил он. — И меня заковали в клеймо покорности, объяснив, что это не наказание, а гарантия моей же преданности — способ защитить меня от собственного страха, который однажды может толкнуть меня на предательство под давлением. Мне понадобились годы, чтобы понять: клеймо покорности не защищает от предательства. Оно просто делает саму мысль о собственной воле физически невыносимой, пока не привыкаешь вовсе не задавать себе вопросов, которые могут привести к боли.

Он посмотрел на неё прямо, впервые за весь разговор, и в глазах его Ясна увидела то, чего не видела прежде так ясно — не просто страдание, а стыд, застарелый и мучительный.

— Часть меня, Ясна, — тихо продолжил он, — все эти годы, до самой Вербовки, искренне верила, что Орден прав. Не потому, что метка заставляла меня в это верить, — метка сковывает волю, а не убеждения. А потому, что мне было проще верить в правоту тех, кому я служил,

чем признать, что я отдал свою жизнь чему-то жестокому и лживому по собственному, пусть и вынужденному, выбору четырнадцатилетнего мальчика. Иногда, даже сейчас, глубоко внутри, этот голос никуда не делся. Он не говорит громко. Но он есть.

Ясна долго молчала, обдумывая услышанное, прежде чем осторожно коснуться его руки — не романтическим жестом, а простым, человеческим утешением, какое один уставший от собственных призраков человек предлагает другому.

— Ты боишься не наказания метки, — тихо сказала она, вспоминая то, что он однажды уже почти признал ей в разрушенной мельнице у Вербовки. — Ты боишься, что часть тебя всё ещё хочет, чтобы тот голос оказался прав.

— Да, — коротко подтвердил он, не отнимая руки. — И именно поэтому я не могу с лёгкостью осудить ни Дрока за его гнев, ни даже Яроша за его ярость, при всей моей тревоге насчёт того, куда она может их завести. Я слишком хорошо знаю, каково это — искать простой ответ на боль, которая простых ответов не терпит.

Они сидели так ещё долго, не произнося больше ни слова, пока холодный ночной воздух над каменоломней не заставил их наконец вернуться внутрь, — но Ясна унесла с собой в ту ночь нечто новое, чего не было у неё прежде: не просто доверие к Сорену, а понимание того, какой ценой это доверие было заслужено с его стороны, и насколько хрупким, несмотря на всю его силу, он оставался внутри.

Глава 13. Тренировка под давлением

Дни, последовавшие за уходом Руты и её брата, слились для Ясны в плотную, изматывающую череду тренировок, дозоров и тревожных донесений разведчиков, докладывавших о всё более частых передвижениях патрулей Альрика в опасной близости от новых, ещё не до конца разведанных путей отхода.

— Сегодня попробуем иначе, — сказала Верба одним особенно хмурым утром, когда Ясна в очередной раз явилась в тренировочную пещеру, чувствуя себя скорее изможднной бессонницей, чем готовой к серьёзной работе. — Твой контроль над самим выбросом силы уже достаточно уверен для обычных обстоятельств. Но обычных обстоятельств у нас, судя по всему, больше не будет. Нужно научиться удерживать Клеймо в узде не только тогда, когда ты спокойна и сосредоточена, но и тогда, когда вокруг хаос, крики, реальная опасность для тех, кого ты любишь.

— Как именно ты предлагаешь это тренировать? — устало спросила Ясна.

Ответом ей послужил внезапный, оглушительный грохот со стороны входа в пещеру — Хвоя, по заранее оговорённому с Вербой плану, обрушила неподалёку небольшую каменную осыпь, создав достаточно шума и пыли, чтобы имитировать внезапное нападение.

— Не время удивляться, — крикнула Верба сквозь грохот. — Держи Клеймо, но не дай ему сорваться в панике, как в тот первый раз у переправы!

Первая попытка вышла неудачной — Ясна, застигнутая врасплох, всё же сумела удержать основной выброс силы, но потратила на это столько внутренних сил, что после осела на землю, тяжело дыша, чувствуя себя так, будто пробежала весь путь от Вербовки досюда без единой остановки.

— Плохо, — коротко сказала Верба, впрочем, без осуждения в голосе. — Но не безнадёжно. Ещё раз.

Они повторяли упражнение снова и снова в течение нескольких дней — Хвоя придумывала всё новые, изобретательные способы застать Ясну врасплох, Сорен временами включался в тренировку с мечом, заставляя её удерживать контроль над Клеймом одновременно с необходимостью защищаться от реального, пусть и не смертельного клинка, — и с каждым разом усталость после тренировки становилась чуть менее изматывающей, а контроль — чуть более уверенным.

— Ты стала быстрее, — заметил как-то вечером Сорен, помогая ей подняться после особенно тяжёлой тренировки, где ему пришлось по-настоящему приложить усилия, чтобы не позволить ей просто уклоняться от каждого выпада без всякого риска. — Месяц назад тебе требовалось время, чтобы вспомнить, как звать Клеймо осознанно. Теперь оно откликается почти мгновенно, даже когда ты не готова заранее.

— Не уверена, что это комплимент, — с усталой усмешкой ответила Ясна, растирая ноющие после тренировки плечи. — Быстрый отклик — это ведь ровно то, чего боялась Верба вначале: что метка привыкнет срываться без разбора.

— Разница в том, что теперь ты решаешь, когда именно ей откликаться, — возразил Сорен. — Быстрый отклик под твоим контролем — это не то же самое, что быстрый отклик без всякого контроля. Ты больше не та девушка, что чуть не убила меня у переправы в панике. Не забывай об этом, когда сомневаешься в себе.

Их близость за последние недели превратилась в нечто настолько привычное, что Ясна порой сама удивлялась, насколько естественно ей теперь думалось о нём не просто как о союзнике, а как о ком-то, чьё присутствие рядом само по себе делало страх перед завтрашним днём чуть более выносимым. Ни он, ни она не произносили этого вслух — слишком много другого требовало внимания, слишком хрупким казалось всё вокруг, чтобы отвлекаться на признания,

— но взгляды, задерживающиеся друг на друге чуть дольше необходимого, короткие прикосновения, случавшиеся чаще, чем того требовала простая дружеская поддержка, говорили сами за себя достаточно ясно для них обоих.

Именно в разгар одной из таких тренировок, когда усталость и близость на миг притупили обычную бдительность, дозорный со стороны южного гребня подал резкий, тревожный сигнал — не учебный, как рассчитывала Верба для тренировки, а самый настоящий.

— Патруль, — доложил запыхавшийся дозорный, вбежавший в пещеру несколько минут спустя. — Не случайный, идёт прямо в сторону нашего южного прохода — ближе, чем когда-либо прежде подходили обычные облавы.

Верба и Ясна обменялись быстрым, тревожным взглядом, оба понимая без лишних слов: то, чего они боялись все последние недели, начинало происходить куда раньше, чем кто-либо из них рассчитывал подготовиться до конца.

Глава 14. Новая грань Клейма

Патруль, к общему облегчению, прошёл в тот раз мимо, не заметив хорошо укрытых троп к убежищу, — но близость, с которой он приблизился, не оставляла сомнений: время, отпущенное общине на подготовку, подходило к концу быстрее, чем предполагала даже самая осторожная из оценок Вербы.

— Нам нужно нечто большее, чем просто контроль над выбросом силы, — сказала Верба на следующий день, собрав Ясну и нескольких старших для короткого, но серьёзного разговора. — Если Ива действительно чувствует Клеймо на расстоянии, простое умение не срываться в панике не спасёт нас от того, что она попросту укажет направление, даже не видя нас глазами.

— Что ты предлагаешь? — спросила Ясна, чувствуя, как в груди нарастает уже привычное за последние недели напряжение перед очередным трудным испытанием.

— Я слышала легенды, ещё в юности, о Меченых, способных не только проявлять Клеймо вовне, но и удерживать его настолько тесно свёрнутым внутри себя, что оно на время становится почти незаметным для тех, кто его ищет, — сказала Верба осторожно, явно не до конца уверенная в собственных словах. — Не знаю, легенда это или правда. Но если в тебе действительно та редкая, сильная кровь, о которой шепчутся по всему королевству, возможно, тебе доступно то, что недоступно рядовым Меченым.

Первая попытка, предпринятая тем же вечером в тренировочной пещере, далась Ясне тяжелее любой прежней тренировки. Вместо привычного усилия — позвать Клеймо наружу — ей предстояло сделать нечто противоположное: свернуть его туго внутрь себя, спрятать саму его суть настолько глубоко, чтобы даже она сама с трудом ощущала его присутствие.

— Не души его, — тихо направляла Верба, наблюдая за её нарастающим напряжением. — Не борись с ним, как в самом начале, когда ты пыталась подавить его совсем. Просто убеди его затихнуть, как убеждаешь ребёнка не шуметь, когда рядом опасность, — не силой, а доверием.

Ясна закрыла глаза, пытаясь нащупать ту же внутреннюю связь, что позволяла ей звать Клеймо наружу, — но на этот раз направляя эту связь не вовне, а глубоко внутрь себя, туда, где сила обычно ждала своего часа.

На миг ей показалось, что получается — знакомое покалывание под кожей стихло, будто действительно свернулось в тугой, невидимый узел где-то у самого сердца, — но тут же, без всякого предупреждения, её пронзила чужая, обрывочная боль, настолько неожиданная и настолько не похожая на её собственные ощущения, что она вскрикнула вслух, отшатнувшись назад.

— Ясна! — Верба бросилась к ней, подхватывая за плечи прежде, чем та успела упасть. — Что случилось?

— Не знаю, — прошептала Ясна, всё ещё дрожа от пережитого. — На миг мне показалось, что я коснулась чего-то не своего. Обрывок чувства — не моего страха, не моей боли. Чужого. Далёкого, но… знакомого по форме, если это вообще имеет смысл.

Верба долго молчала, обдумывая услышанное с выражением лица, в котором тревога мешалась с потрясённым, почти благоговейным любопытством.

— Если то, что ты почувствовала, было настоящим, а не просто последствием усталости и напряжения, — сказала она наконец медленно, — это может означать, что связь между Клеймом Меченых глубже, чем считалось прежде. Что, сворачивая себя внутрь, ты на мгновение коснулась не пустоты, а кого-то ещё, связанного с разломом так же, как и ты, — возможно, даже Ивы, чьё Клеймо, как бы его ни выжигали годами очищения, судя по всему, до конца так и не угасло.

Ясна почувствовала, как по спине пробегает холодок при этой мысли — не страх, а нечто более сложное, смесь ужаса и хрупкой, едва допустимой надежды.

— Если я могу коснуться её обрывка чувства даже случайно, — медленно произнесла она, — что если однажды я смогу дотянуться до неё по-настоящему? Не просто вытащить её физически из плена, а достучаться до того, что от неё осталось внутри?

— Не позволяй этой надежде вести тебя быстрее, чем позволяет осторожность, дитя, — мягко, но твёрдо предупредила Верба. — Осокорь уже чуть не поплатился жизнью за похожую надежду. Но я не стану лгать тебе, что сама идея не даёт мне повода для осторожного, непривычного оптимизма впервые за долгое время.

Глава 15. Нападение на дозор

Открытие, сделанное Ясной во время тренировки, пришлось отложить в сторону куда раньше, чем кто-либо из них рассчитывал, — реальность внешней угрозы не оставляла времени на дальнейшие эксперименты.

Два дня спустя обычный, рутинный дозор у южных подступов к каменоломне — трое обитателей убежища, включая Ольху, настоявшую на своём участии, несмотря на возражения Дубца, — не вернулся к назначенному часу.

Тревога поднялась мгновенно. Верба организовала спасательный отряд из числа самых опытных бойцов общины — Хвои, Сорена, ещё двух проверенных в прежних стычках обитателей, — и Ясна, невзирая на попытки оставить её в убежище ради безопасности, настояла на собственном участии с такой твёрдостью, что спорить с ней не решились даже старшие.

Они нашли пропавший дозор в неглубокой лощине в получасе ходьбы от южного гребня — не мёртвыми, к общему облегчению, но окружёнными плотным кольцом бойцов Пепельной стражи, явно поджидавших именно в этом месте с точностью, недостижимой для обычной случайной облавы.

— Засада, — выдохнула Хвоя, оценивая обстановку из укрытия за кустарником. — Их привели прямо сюда, минуя все ложные тропы, которые мы специально проложили для сбивания со следа.

— Ива, — тихо произнёс Сорен, хотя все и без того понимали причину.

Бой начался мгновенно, как только их собственное присутствие было обнаружено, — Хвоя и остальные бойцы бросились на выручку пленённому дозору, Сорен прикрывал их с фланга клинком, а Ясна, стоя чуть в стороне, готовила Клеймо к тому единственному, точному удару, который позволил бы переломить численный перевес противника без лишних жертв с обеих сторон.

В самый разгар схватки, когда внимание всех сражающихся было поглощено ближним боем, Ясна впервые увидела Иву вблизи, не издалека, как прежде рассказывали Хвоя и Осокорь, — стоящую чуть поодаль от основной свалки, безучастную к происходящему вокруг насилию, будто наблюдающую за всем сквозь толстое, невидимое стекло.

Их взгляды на мгновение встретились через хаос боя.

То, что произошло дальше, длилось не дольше удара сердца, но Ясна запомнила это мгновение с пугающей, почти болезненной ясностью на всю оставшуюся жизнь: в пустых, безучастных прежде глазах Ивы что-то дрогнуло — не узнавание в полном смысле слова, но нечто, отдалённо напоминающее его, слабый, почти неуловимый проблеск чего-то, что могло бы быть человеком под слоем многолетнего, насильственного опустошения.

Затем момент прошёл. Ива отвела взгляд, снова становясь безучастной оболочкой, какой её знали все, кто видел её прежде, — но Ясна уже не могла разубедить себя в том, что видела своими глазами.

Бой закончился спустя ещё несколько напряжённых минут — освобождённый дозор оказался измотан, но невредим, бойцы Пепельной стражи отступили, не желая рисковать полномасштабным столкновением без прямого приказа Альрика, — но домой Ясна возвращалась, погружённая в собственные мысли куда глубже, чем того требовала простая усталость после схватки.

— Ты видела то же, что и я? — тихо спросила она у Сорена, когда они немного отстали от основной группы на обратном пути.

— Я не смотрел на неё так пристально, как ты, — честно ответил он. — Но если ты про тот взгляд — да, я заметил, что она на мгновение задержалась глазами не на бое, а на тебе. Не знаю, что это значило. Может быть, ничего. Может быть, всё.

— Мне нужно рассказать об этом Осокорю, — сказала Ясна, чувствуя, как в груди у неё крепнет решимость, смешанная с тревогой за то, к каким последствиям это признание может привести.

Глава 16. Осокорь пытается достучаться

Рассказ о моменте, пережитом в бою, произвёл на Осокоря эффект, которого Ясна опасалась больше всего, — вместо осторожной, взвешенной надежды, на какую рассчитывала Верба, он вспыхнул решимостью, граничащей с отчаянием.

— Значит, она ещё там, — произнёс он тем же вечером, меряя шагами общий зал убежища с настойчивостью человека, не способного больше усидеть на месте. — Внутри неё что-то осталось. Я знал. Я чувствовал это с той самой первой минуты, как узнал её в толпе бойцов Альрика.

— Осокорь, — мягко попыталась остановить его Верба, — один мимолётный взгляд в разгар боя не даёт оснований для уверенности, только для осторожной надежды. Не позволяй этой надежде толкнуть тебя на безрассудство.

Но Осокорь, судя по всему, уже принял решение задолго до этого разговора. Спустя два дня, воспользовавшись тем, что общее внимание общины было поглощено подготовкой очередного пути отхода, он незаметно покинул убежище в одиночку — направившись, как выяснилось позже по следам, оставленным в спешке, прямиком в сторону последнего известного лагеря отряда Альрика.

— Он не мог быть настолько неосторожен, — потрясённо произнесла Хвоя, обнаружившая пропажу первой. — Он же знает лучше многих из нас, что значит попасться на глаза Пепельной страже в одиночку.

— Он не думает об осторожности, когда речь заходит о ней, — тихо сказала Верба, и в голосе её звучала не столько злость, сколько глубокая, тяжёлая тревога. — Он думает о двадцати двух годах вины за то, что не смог её спасти тогда. Такая вина не оставляет места для разумных расчётов.

Спасательный отряд, спешно собранный Вербой, — Ясна, Сорен, Хвоя и двое опытных следопытов — вышел по следу немедленно, но Осокорь успел выиграть достаточно времени, чтобы приблизиться к границам лагеря Альрика прежде, чем его нашли.

Они настигли его на опушке леса, откуда открывался вид на временную стоянку отряда Инквизитора, — Осокорь стоял неподвижно за деревьями, наблюдая издалека, не решаясь подойти ближе, но и не в силах заставить себя уйти.

— Осокорь, — тихо позвала Ясна, подходя ближе так, чтобы не напугать его резким появлением. — Пойдём назад. Пожалуйста.

— Я просто хотел увидеть её ещё раз, — прошептал он, не оборачиваясь, и в голосе его звучала боль настолько неприкрытая, что у Ясны сжалось сердце от одного её звучания. — Просто увидеть, убедиться, что то, что ты видела в бою, было настоящим, а не игрой моего отчаявшегося воображения.

— И что ты собирался делать, если бы убедился? — тихо спросил Сорен, подходя с другой стороны. — Подойти к лагерю Инквизитора в одиночку? Заговорить с ней у всех на глазах?

Осокорь не ответил — и в этом молчании крылся ответ более красноречивый, чем любые слова: он действительно не продумал план дальше отчаянного желания снова увидеть дочь, которую двадцать два года считал мёртвой.

Им удалось увести его обратно в убежище без дальнейших происшествий — но тревога, поселившаяся в душе Ясны после этой ночи, никуда не делась. Она смотрела на удаляющийся вдалеке лагерь Альрика, мерцающий редкими сторожевыми кострами в темноте, и невольно задавалась вопросом, не заметил ли уже кто-то из бойцов Инквизитора неосторожную фигуру, слишком долго наблюдавшую издалека за границами их стоянки.

Она не ошиблась в своей тревоге. Хотя узнать об этом предстояло лишь несколько дней спустя.

Глава 17. Западня стягивается

Инквизитор Альрик, сидя в своей палатке при свете единственной лампы, неторопливо выслушал доклад одного из своих скаутов о ночном происшествии на опушке леса — одинокой фигуре, замеченной вблизи лагеря несколько ночей назад, слишком осторожной, чтобы быть случайным путником, слишком неопытной в скрытности, чтобы быть профессиональным разведчиком Дома теней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.